

КЛѢВСКАЯ СТАРША

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.
СЕНТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. Ал. М. Лазаревскаго (357—374).
- II. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Н. В. Шугурова (375—406).
- III. Путешествіе императрицы Екаторины II въ южную Россію въ 1787 г. IX. Г. В. Есинова (407—426).
- IV. Ѳедоръ Лисовскій. 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.). С. П. Моравскаго (427—454).
- V. Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. Н. В. Стороженка (455—465).
- VI. Записки Михаила Чайковскаго (Садмыль-паша). X. (466—477).
- VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Письмо Н. И. Костомарова. А. Л. Червонорусскія вирши XVIII в. Мирова. Одинъ изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства Крещенскія сначки въ екатеринославской губ. Пв. И. Манжура. Слезнорыдающее прошеніе малороссійскаго дидаскала. О. Л. Стѣвая школа. В. Щербини. Просьба объ установленіи таксы на требы въ половинѣ XVIII в. А. А. Разсказъ о „турбаевской натастрофѣ“. Арк. Л—нко (478—494).
- VIII. Библиографія. 1) Акты, издаваемые виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI-й. 2) Акты, издаваемые виленскою археографическою комиссіею. Т. XVII. 3) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси. Томъ XI. И. М. Каманина. Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Снабичевскаго. В. Щербини. Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. В. Я. Лисовскій. А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. А. И. Степовича. А. И. Марковичъ. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. А. И. Степовича. „Епархіальныя Вѣдомости“ южно-русскихъ губерній въ 1890 г. И. А. Житецкаго. А. С. Фоминцынъ. Гусли. А. И. Степовича. Обзорніе журналовъ (495—520).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ И. Ѳ. Тимковскаго.

2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КЛѢВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ПОЛТАВЩИНА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Полтавскій полкъ,—одинъ изъ десяти, на которые была раздѣлена старая Малороссія,—занималъ междурѣчье Орели и Ворсклы, распространяясь частью и на правый берегъ послѣдней, т. е. занималъ нынѣшніе уѣзды: полтавскій, кобеляцкій и частью константиноградскій. Орелью, притокомъ Днѣпра, полкъ отдѣлялся отъ дикихъ степей, по которымъ свободно бродили только татары и запорожцы.—Сосѣдство съ татарами и вслѣдствіе того постоянная опасность отъ ихъ нападений заставили народъ при заселеніи этой мѣстности кучиться въ многочисленные поселенія—„городки“. Городки эти, первоначально, размѣстились исключительно по берегамъ Ворсклы и Орели; на берегахъ первой возникли: Вел. Будища, Полтава, Ст. Санжары, Нов. Санжары, Бѣлики, Кобелякъ, Соколка и Кишенка, а на берегахъ Орели—Китай-городъ, Царычанка, Маячка и Нехвороща. Кромѣ этихъ двѣнадцати городковъ, были еще четыре: изъ нихъ три на Днѣпрѣ,—Орель (теперешній Ст. Орликъ), Переволочна и Келеберда,—а четвертый на Голтвѣ (притокъ Псла)—Решетилровка.

Поселенія эти возникли и устраивались въ продолженіи всего XVII в., какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: турецкіе и крымскіе купцы, торгуя съ Москвой въ XVI в., ходили въ послѣднюю двумя путями; одинъ путь шелъ—съ Перекопа на Тавань и на замки—на Черкасы, на Каневъ и Кіевъ; а другой путь велъ, когда „опускали ту звичную дорогу, хотячи пройти полями, а не дорогою“,—„съ Перекопа *чрезъ поля яловыя*, на

вручище Санъ-Чарово“¹⁾). Последнее учрочище указываетъ, безъ сомнѣнія, на мѣстность Старыхъ Санжаровъ. гдѣ, слѣдовательно, поселенія въ XVI в. не существовало, какъ не существовало и другихъ поселеній на берегахъ Ворсклы и Орели, берега которыхъ и называются здѣсь *полями яловыми*, т. е. пустыми, незаселенными.—Въ томъ же XVI в., берега Ворсклы считались принадлежностью жителей праваго берега Днѣпра, составляя ихъ „уходы“, т. е. мѣста, гдѣ они промышляли звѣря и заводили пасѣвки²⁾). Владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ и были, конечно, первыми колонизаторами мѣстности, впоследствии составившей Полтавскій полкъ.

Сколько можно судить о характерѣ этой мѣстности по тѣмъ отрывочнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ въ юридическихъ актахъ второй половины XVII в., Орель и Ворскла въ XVI—XVII в., были достаточно многоводными рѣчками, берега которыхъ покрыты были густыми дубовыми, липовыми и осокорьими (осокорь=*populus nigra*) лѣсами; заднѣпряне прорубливали эти лѣса и среди лѣсовъ являлись—„сѣчи“, а на этихъ сѣчахъ устраивались хутора, въ которыхъ селились пришельцы, чтобы промышлять пчеловодствомъ и отчасти—звѣремъ и рыбой. Хутора превращались въ слободы, когда заднѣпровскіе владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ двинулись цѣлыми массами на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь сначала отъ польскихъ напиль, а потомъ—отъ татарскихъ разореній. Въ исторіи заселенія Полтавщины видны три періода: 1, первая половина XVII в., когда заселились берега Ворсклы; 2, вторая половина XVII в.,— время заселенія береговъ Орели и 3, первая половина XVIII в., когда скученное населеніе городковъ и селъ XVII-го в. стало искать новыхъ болѣе привольныхъ угодій и заселило слободами оставшіяся еще незанятыми сѣчи по Ворсклѣ и Орели и пустые до того берега Коломака и Орчика.

Городки и села по Ворсклѣ селились въ первой половинѣ XVIII-го в., какъ видно изъ отрывочныхъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ

¹⁾ Книга посольск. Метрики вел. кн. Литовск. I, 30.

²⁾ Въ 1545 г. казаки кіевскіе, каневскіе и черкасскіе говорили: „были есмя а входехъ нашихъ, т. е. на Хороде и на Ворскло“. Тамъ же.

въ юридическихъ актахъ. Имѣется напр. достовѣрное указаніе о времени заселенія Полтавы; указаніе это находимъ въ слѣдующемъ свидѣтельскомъ на судѣ показаніи 1681 г.—„старинный и подейшлый барзо въ лѣтехъ Яценко Барчанинъ,—тень старушокъ подь боязнью Божию повѣдѣвъ (повѣдалъ), якъ мя, панове, видите старого, еще якъ *Полтава засѣдала слободою*, на той (спорной) сѣножати косилемъ...¹⁾“. Въ 1641 году Полтаву видимъ уже городомъ, принадлежавшимъ Александру Конецпольскому, который заселялъ полтавскія окрестности новыми слободами²⁾. Въ это время и поселились, должно быть, села по той Ворсклѣ: Патлаевка, Семеновка, Петровка, Гавронцы, Стасовцы; вправо отъ Ворсклы—Диканька, Жуки, Тахтауловъ, Осмачки, Ивончинцы, Рыбцы, Гуджулы, Мартыновка, Шостаки, Супруновка, Пушкарровка, Горбаневка, Мильцы, Куклинцы, Мачохи, Росошинцы... Всѣ эти села, возникшія въ первой половинѣ XVII в., старались не отдаляться отъ Полтавы, въ которой только и можно было укрыться въ случаѣ татарскаго набѣга. Въ Полтавѣ въ это время сидѣлъ намѣстникъ Конецпольскаго, панъ Сокольскій, который защищалъ окрестное населеніе, прогоняя набѣгавшихъ татаръ³⁾.—О времени основанія всѣхъ перечисленныхъ сель, можно судить по разсказу о заселеніи одного изъ старыхъ сель—Стасовцовъ; этотъ разсказъ заключается въ одномъ свидѣтельскомъ показаніи 1700 г.—„Семень и Григоръ Потапенки, рожные братья, козаки и жители стасовскіе, въ лѣтахъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣлые, люде учтивые и вѣры годные, сумненемъ (совѣстью) обовязани, повѣдѣли: еще подь часъ Кумейщины (1637 г.), будучисмо лѣтъ недорослихъ, зъ отцемъ нашимъ зайшлисмо до села Стасовець и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куреньювъ (курень=жилье) большъ нѣкого не было; а одъ того вре-

¹⁾ Протоколы полтавск. полковаго суда XVII в. Рук. нашей б—ки.

²⁾ Акты Ю. З. Р. III, 54.

³⁾ Въ 1648 г. гадяцкій полковникъ Конецпольскаго писалъ бѣлгородскому воеводѣ Вутурлину „и тое твоей милости ознаймаю. нжъ у пачинцу прошлую панъ Сокольскій билъ татаровъ пять миль отъ Полтавы и зъ ласки Божией погромилъ ихъ“... Акты Ю. З. Р. III, 115.

мени рокъ по року, стало людей прибувати; а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млиновъ не бывало. Подъ часъ тежъ берестецкого роздруху (1650 г.) въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мость былъ построень, гдѣ теперъ гребля найдутся... 1)“.

Берега Орели заселились послѣ разоренія турками Умани въ 1673 г.—Величко, самъ полтавецъ, рассказываетъ, что послѣ разоренія правобережной Украины, „народъ многими кунями и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирався и—на сюю Днѣпра сторону перебирался и гдѣ улюбя—для житія своего избираль и засѣдалъ мѣста; и особливо въ полку полтавскомъ засѣлъ по рѣцѣ Орели новыми городами, то есть: Китай-городомъ Царычанкою, Маячкою, Нехвороцею и Келебердою 2)“.

Будучи удаленъ отъ центра тогдашней Малороссіи, полтавскій полкъ не привлекалъ высшей войсковой старшины своими маетностями, которыя чисто степнымъ своимъ характеромъ, не представляли, кромѣ того, особыхъ экономическихъ выгодъ; поэтому козачье сословіе здѣсь не было такъ порабощено, какъ въ остальныхъ, особенно сѣверныхъ, полкахъ и до настоящаго времени еще оставило поселенія, населенныя исключительно козачьимъ сословіемъ. Избавленные отъ старшинскаго гнета, полтавскіе козаки долѣ другихъ сохраняли стародавніе обычаи свои и „вольности“, выражавшіеся преимущественно въ свободномъ выборѣ старшины. Въ этомъ отношеніи, полтавскій полкъ представляетъ собою исключеніе изъ остальной Малороссіи, гдѣ не только крестьяне, но и козаки съ конца XVII в. становятся почти въ полную зависимость отъ той старшины, которая, хотя и считалась выборною, но въ сущности представляла собою гетманскихъ чиновниковъ... Въ полтавскомъ полку гетманская власть не находила возможнымъ держаться тѣхъ порядковъ, какіе установились въ другихъ полкахъ, въ особенности остерегаясь сосѣдняго съ Полтавщиной Запорожья, которое, давши Хмельницкому первыя средства для возстанія противъ поляковъ, смотрѣло затѣмъ на гетманщину,

1) Протоколы полтавск. полков. суда. Ркп.

2) Лѣтоя II, 356.

какъ на свое дѣтище и постоянно, до конца XVII в., стреми-лось къ подчиненію гетманской власти своему вліянію; съ этой цѣлью Запорожье очень нерѣдко высылало въ Малороссію своихъ агентовъ, въ родѣ Петрика, для возбужденія народа противъ гетмановъ, и послѣдніе не безъ основанія старались, по возможности, не давать Запорожью поводовъ къ протестамъ противъ тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій¹⁾. *А запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой*“, гворилъ въ 1661 г. одинъ наблюдательный современникъ²⁾.

Во всей Малороссіи полчане и въ XVII в. (не говоря уже о послѣдующемъ времени) находились въ совершенной зависи-мости отъ своихъ полковниковъ, на выборъ которыхъ они не имѣли почти никакого вліянія; въ Полтавщинѣ же выборъ полков-никовъ почти до конца XVII в. дѣйствительно зависѣлъ отъ воли „товариства“, козаковъ, хотя послѣдними въ такихъ слу-чаяхъ всегда руководилъ небольшой кружокъ богачей, умѣв-шихъ подчинить своему вліянію остальныхъ полчанъ. Кружокъ этотъ составляли слѣдующія лица: Мартынъ Пушкарь съ сы-новьями, Искра, Ѳедоръ Жученко, Демьянъ Гуджоль, Прокопъ Левенець, Демьянъ Яковенко и Леонтій Чернякъ; впоследствии въ этотъ кружокъ втерся, по свойству съ генеральнымъ обоз-нымъ Забѣлоу, и сынъ выкрещеннаго еврея -- Павель Герциеъ. Все это, кромѣ послѣдняго, были старинные и богатые козаки Полтавщины. Изъ нихъ Пушкарь, Искра, Жученко и Гуджоль были записаны уже въ старѣйшемъ козачьемъ реестрѣ 1649 г.³⁾. Встрѣчая около Полтавы села, названія которыхъ тождественны съ прозваніями нѣкоторыхъ изъ нихъ (Жуки, Гуджулы, Пуш-каровка), можно предположить, что названныя лица были пер-вымъ поколѣніемъ основателей этихъ селъ; такимъ образомъ вліяніе и значеніе этого кружка основывалось на старинной

¹⁾ Самъ Мазепа боялся Запорожья; такъ, въ 1692 г. онъ писалъ въ Москву, что „о наестностяхъ, разнымъ особамъ данныхъ, происходятъ межъ поспо-литымъ волею и пререканія, а особливо отъ запорожцовъ произносятся голосы, къ шатости склонныя... Чт. въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I, 5.

²⁾ Акты Ю. З. Р. VI, 99.

³⁾ Реестра Войска Запорожск. 1649 г. Изд. Бодянского, стр. 279—283.

извѣстности тѣхъ козачьихъ родовъ, къ которымъ принадлежали члены его. Въ продолженіе всей второй половины XVII в. названные коноводы интриговали другъ противъ друга, стараясь захватить полковничій урядъ въ свои руки; но когда одному изъ нихъ это удавалось, тогда остальные соединялись вмѣстѣ и начинали интриговать противъ своего же избранника, пока не успѣвали въ чемъ нибудь обвинить его передъ „товариствомъ“. Тогда урядъ доставался другому и такъ далѣе почти до конца XVII в.

Ближайшее ознакомленіе съ подробностями частой смѣны полтавскихъ полковниковъ можетъ представить интересныя данныя для изученія народной жизни въ южной части старой Малороссіи.

Полковничье влaстительство въ Полтавщинѣ открывается извѣстною личностью Мартына Пушкаря, одного изъ видныхъ сподвижниковъ Хмельницкаго. Пушкаръ былъ ревностнымъ сторонникомъ Переяславскаго договора 1654 г. и по смерти Хмельницкаго цѣлый годъ боролся съ Выговскимъ, защищаль единеніе съ Москвою, и не будучи поддержанъ московскимъ правительствомъ, погибъ въ 1658 г. Пушкаръ правилъ полтавскимъ полкомъ около девяти лѣтъ (1649—58). На мѣсто его избранъ былъ старшій его сынъ Кирикъ Пушкаръ, который продолжалъ противиться планамъ Выговскаго, для чего получилъ и помощь изъ Москвы, но разореніе Полтавы Выговскимъ совсѣмъ измѣнило настроеніе полтавцевъ ¹⁾. Въ ноябрѣ 1658 г. Кирикъ Пушкаръ былъ „скинутъ“, а на мѣсто его избранъ старый козакъ полтавскій Филонъ Горкуша, который, какъ кажется, былъ нѣкоторое время полковникомъ и при Хмельницкомъ ²⁾. Горкуша, будучи сторонникомъ Выговскаго, скоро былъ скинутъ и замѣненъ младшимъ братомъ Кирика Пушкаря, Маркомъ. Послѣдній поѣхалъ было въ Москву хлопотать о поддержкѣ противъ Выговскаго ³⁾, но въ отсутствіе

¹⁾ Агты Ю. З. Р., IV, 196. Величко, I, 333.

²⁾ Агты Ю. З. Р., IV, 202. Величко, I, 300.

³⁾ Агты Ю. З. Р., IV, 206.

его (лѣтомъ 1659 г.), полковникомъ былъ выбранъ снова Кирикъ Пушкаръ, который, увидѣвъ усиленіе Выговскаго послѣ сраженія подъ Конотопомъ, думалъ уже было смириться и началъ переговоры о томъ съ однимъ изъ старшинъ Выговскаго—Каплонскимъ. Объ этихъ переговорахъ узналъ полтавскій воевода Зиновьевъ и Кирикъ былъ арестованъ, а полковникомъ полтавцы выбрали Ѳедора Жученка ¹⁾ (въ іюль 1659 г.). Ѳедоръ Жученко держался Юрія Хмельницкаго, и когда послѣдній передался на сторону поляковъ, не отставалъ отъ него и пошелъ съ нимъ за Днѣпръ. Въ маѣ 1661 г. полтавцы выбрали полковникомъ Демьяна Гуджола, и Жученко „сталъ вины свои добивать ²⁾“...

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, искателями булавы явились два сподвижника стараго Хмельницкаго—Самко и Золотаренко. У обоихъ права были одинаковыя, оба пользовались равною извѣстностью въ „Войскѣ“ и потому выборъ межъ ними былъ труденъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ не хотѣлъ уступить другому. Такимъ положеніемъ дѣла въ Малороссіи воспользовалось Запорожье и выставило своего кандидата—въ лицѣ Брюховецкаго. Послѣдній былъ поддержанъ южными полками—дубенскимъ, миргородскимъ и полтавскимъ, населеніемъ которыхъ Сѣчь преимущественно и пополнялась. Гуджоль тоже ревностно поддерживалъ Брюховецкаго, сначала не поѣхавъ на раду козелецкую, гдѣ выбранъ былъ Самко, а потомъ громко заявляя, что одна надежда на такого гетмана, который выбранъ будетъ полною, *чорною* радою, т. е. такою радою, которою будетъ заправлять чернь, причемъ послѣднюю должны были составить приведенные Брюховецкимъ запорожцы. Брюховецкаго выбрали, но плохо пришлось отъ этого выбора не только его противникамъ, но и тѣмъ сторонникамъ, которые не принадлежали къ Запорожью ³⁾. Добившись булавы интригами, Брюховецкій понималъ непрочность своего положенія и рѣшилъ держаться, опираясь ис-

¹⁾ Т. ж., 241.

²⁾ Т. ж., V. 65.

³⁾ Агты Ю. З. Р. VII, 345—347.

ключительно на Запорожье. Получивъ изъ рукъ Великогагина булаву 19 іюня 1663 г., Брюховецкій въ тотъ же день „во всѣхъ городахъ своихъ полковниковъ поставилъ изъ тѣхъ людей, которые съ нимъ вышли изъ Запорожья“ (Самовид., 41). Смѣненъ при этомъ былъ и Гуджоль, а на мѣстѣ его явился Савва Ѳедоровичъ Омельницкій, конечно запорожецъ. О поставленныхъ Брюховецкимъ полковникахъ лѣтопись „о презрѣльной брани“ говоритъ, что всѣ они были „зъ гультайства запорожскаго наставленіе, которіе зъ голоты (изъ бѣдняковъ) ставши на началахъ и у крамарей (мелкихъ торговцовъ) себѣ дщери ихъ побравши, до оныхъ и сами присташа и хитро яко самоволци, имѣяху всегда на мысли разграбленіе ¹⁾“...

Изъ числа такихъ полковниковъ, вѣроятно, былъ и Омельницкій, котораго мы встрѣчаемъ всего разъ ²⁾. Черезъ два года онъ почему то былъ замѣненъ другимъ запорожцемъ—Витязенкомъ, передъ тѣмъ занимавшимъ урядъ генер. бунчучнаго (А. Ю. З. Р. V, 234 и VI, 15,53). Отъ этого Витязенка и даже отъ жены его натерпѣлись полтавцы не мало бѣдъ.

Вообще время Брюховецкаго для Полтавщины было горше Выговщины. Кромѣ полковниковъ „изъ гультайства запорожскаго“, Брюховецкій привелъ съ собою еще и воеводъ, которые должны были переписать все населеніе Малороссіи и затѣмъ собирать съ него подати. Такихъ воеводъ Малороссія передъ тѣмъ не видѣла и никакъ не могла съ ними помириться, тѣмъ болѣе, что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо должно было возбуждать народъ... Воеводою въ Полтаву былъ присланъ Хитрово, который, кромѣ того, что слишкомъ круто началъ устанавливать новые порядки, велъ себя въ отношеніяхъ съ народомъ грубо, не отличая никакимъ вниманіемъ и заслуженную старшину. Послѣдняя писала Брюховецкому въ 1661 г. слѣдующее: „неизносныя неправды и утѣсненія воевода чинить,—коней остальныхъ въ домѣхъ въ подводы велить имати москалямъ... не осматриваясь,—

¹⁾ Лѣтоп. Грабянки, изъ непронужденнаго цензурою мѣста, слѣдующаго въ изд. 1854 г., за стр. 194.

²⁾ Проток. полтавск. воєв. суда.

въ домахъ не только меншихъ товаришовъ, но и здавна заслуженныхъ бывшихъ полковниками, яко-то Ф. Жученка, Д. Гуджала, К. Пушкаренка, К. Кублицкаго и иныхъ... Занимаетъ наши дома подъ постой, ругая и полковника нашего, — *съ ласки и милости вашей намъ данною, которого какъ отца почитаемъ*... И который товарищъ прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ... И безчестье такое терпимъ отъ него и всѣхъ начальныхъ, что если его, воеводу, перемѣнить не изволишь, то мы, забравъ женъ и дѣтей, по нуждѣ пойдѣмъ куда очи¹⁾. Эту жалобу полтавцы писали едва ли не по наущенію Витязенка (самому ему неловко было говорить противъ воеводы), потому что въ ней нѣтъ упоминанія о насиліяхъ полковника, который не только не былъ „отцомъ“ для своихъ полчанъ, но угѣснялъ послѣднихъ не меньше воеводы. Полковой судья Климъ Чернушенко рассказывалъ въ 1667 г. стольнику Кикину, что Витязенко „козаковъ многихъ напрасно зневажаетъ, а иныхъ и бьетъ напрасно; а жена де его полковникова жонъ козацкихъ напрасно жъ бьетъ и безчестить. А кто-де, козакъ или мужикъ, упадетъ хотя въ малую вину и онъ-де полковникъ того челоувѣа животы всѣ, и лошади и животину, емлетъ на себя. Да онъ же со всего полку согналъ мельниковъ и заставилъ на себя роботать, а мужики-де изъ сѣль возили ему, полковнику, на дворовое строеніе лѣсъ и устроилъ де онъ себѣ домъ такой, что де у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ... А приводитъ де его, полковника, на всякое злое дѣло, и на корысть, и на грабленіе, жена его полковникова да писарь его полковой Ильяшъ Туранскій; а онъ-де, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку, а мы-де ему, писарю, и не вѣримъ что-де онъ съ того боку Днѣпра“²⁾.

Положеніе дѣлъ въ Полтавѣ было тяжелое: съ одной стороны воевода тѣснилъ, а съ другой—полковникъ грабилъ; на гетмана надѣяться было нечего, потому что онъ же выпросилъ

¹⁾ Акты Ю. З. Р., VI, 132.

²⁾ Т. ж., VI, 195.

воеводъ, да и полковника поставилъ по своему выбору. Полтавцы хотя и терпѣли, но втихомолку раздумывали—какъ избавиться отъ чужепришельцевъ, присланныхъ имъ въ начало. Уже въ 1666 г. Меѳодій, епископъ мстиславскій, говорилъ Шереметеву, что „въ Запорогахъ и въ Полтавѣ учала быть шатость великая; что въ Полтавѣ люди пуце всѣхъ шатки и къ Запорогамъ близки и съ запорожцы въ мыслехъ бывають согласны“¹⁾. Но прежде чѣмъ полтавцы до чего нибудь додумались, самъ Брюховецкій началъ то, о чемъ думали полтавцы. Слыша общій ропотъ народа, Брюховецкій рѣшилъ, что только одинъ выходъ для него возможенъ: изгнать воеводъ и тѣмъ снова привлечь къ себѣ народъ. На крещенскомъ съѣздѣ 1669 г. старшины въ Гадячѣ, Брюховецкій сообщилъ свой замыселъ полковникамъ, а на первой недѣлѣ поста первый воевода былъ изгнанъ изъ Гадяча самымъ гетманомъ. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась по всей Малороссіи: повсюду воеводъ стали изгонять и бить, гдѣ они сопротивлялись. Но изъ Полтавы воевода былъ выпровоженъ „за порадою и совѣтомъ людей умныхъ, въ цѣлости и безъ кровопролитія“²⁾. Во главѣ полтавскихъ мудрецовъ стояли, конечно, Жученко и Гуджоль,—сторонники единенія съ Москвою.—Вслѣдъ за изгнаніемъ воеводъ народъ возсталъ и противъ Брюховецкаго и 7 іюня онъ былъ убитъ близъ Диканьки, почти тамъ же, гдѣ убитъ былъ и Пушкаръ. Какъ только пришла въ Полтаву вѣсть о смерти гетмана, полтавцы рѣшили положить конецъ и его ставленнику—Витязенку. Полковой судья Чернушенко, особенно злобившійся на своего полковника, поднялъ бунтъ: взяли Витязенка и есаула его Обѣденка, „до армать поковали и вскорѣ тиранско въ смерть позабивали, а дома ихъ розграбовали. А по кончинѣ Витязенковой, они-жь полтавцы избрали и постановили себѣ полковникомъ добраго, смиреннаго, побожнаго и простодушнаго челоувѣка, Демьяна Гуджола“. Такъ записалъ въ своей хроникѣ Величко, самъ полтавецъ и потому, вѣроятно, хорошо знав-

¹⁾ Т. ж., VI, 98 и 104.

²⁾ Велич. II, 161.

пій и Витязенка, и Гуджола. Но ни смерть Брюховецкаго, ни убійство Витязенка не успокоили полтавцевъ. Они желали видѣть преемникомъ Брюховецкаго Дорошенка, самого популярнаго претендента на булаву, за котораго тянуло руку и Запорожье. Между тѣмъ русское правительство выставяло кандидатомъ въ гетманы—черниговскаго полковника Многогрѣшнаго, который ни службою, ни способностями не выдѣлялся изъ рядовъ войсковои старшины. Въ февралѣ 1669 г. пришла въ Полтаву царская грамота, которая звала полтавскую старшину въ Глуховъ, на раду. Полтавцы рѣшили не ѣхать на раду, на которой уже предрѣшено было избраніе „Многогрѣшнаго“ ¹⁾. Но Гуджоль и по своему добродушію, и по опытности, повидимому, не раздѣлялъ настроенія своихъ полчанъ, потому что его въ это время съ полковничества скинули; вмѣсто него выбрали—Костю Кублицкаго, вѣроятно, какъ сторонника Дорошенка. Руку послѣдняго въ это время держали и сосѣдніе съ полтавскимъ полки—миргородскій и лубенскій. Кублицкій поспѣшилъ съ своими сотниками въ Чигиринъ, къ Дорошенку, куда звалъ послѣдній полтавцевъ, вмѣстѣ съ миргородцами и лубенцами, на совѣтъ—какъ избавиться отъ Многогрѣшнаго. Въ Чигиринѣ было рѣшено, что выбранному въ Глуховѣ гетману покоряться не слѣдуетъ, потому что „по милости царской“ Дорошенко успѣетъ отнять у него булаву, принадлежащую ему по всѣмъ правамъ.

Многогрѣшный и самъ чувствовалъ, что булава ему досталась только вслѣдствіе удачно сложившихся для него обстоятельствъ; поэтому онъ и не думалъ смирять упорства полтавцевъ. Онъ только жаловался царю, что его не хотятъ признавать гетманомъ три южные полка. Изъ Москвы, въ апрѣлѣ, снова попробовали уговаривать полтавцевъ „вины свои принести, присягу учинить и быть у Многогрѣшнаго въ послушаніи и въ совѣтѣ“ ²⁾. А вслѣдъ за царскою грамотою и Многогрѣшный послалъ свой „листъ“ въ Полтаву, совѣтуя Кублицкому отстать отъ Дорошенка; но полтавцы—и „отвѣта никакого не

¹⁾ Акты Ю. З. Р., VIII, 154, 95.

²⁾ Т. ж., 155.

дали“, доносилъ гетманъ въ Москву, добавляя, что „хотя они повинуются нынѣ Дорошенку, только больше поглядываютъ на Суховѣеву руку и едва посланцовъ своихъ въ Запороги не посылали“¹⁾). Суховѣя въ это время выставило Запорожье своимъ кандидатомъ на булаву, вѣроятно разсчитывая, что Дорошенко слишкомъ популяренъ, чтобы при немъ Запорожье могло сохранить то значеніе и вліяніе, которыми оно пользовалось при Брюховецкомъ. Но полтавцы неотступно держались Дорошенка и въ іюнѣ послали помощь его отряду, высланному къ Ромну противъ сторонниковъ Многогрѣшнаго²⁾). А между тѣмъ изъ Москвы пришла къ Кублицкому третья грамота, угрожавшая присылкою на Полтаву кромѣ ратныхъ людей, еще и „калмыцкихъ тайшей со всеми ихъ улусными людьми“, если только полтавцы будутъ продолжать свое упорство и не явятся къ Многогрѣшному съ повинною³⁾). Последняя грамота произвела нѣкоторое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ на Кублицкаго: можно догадаться, что послѣдній, видя, что Дорошенко никакихъ рѣшительно мѣръ къ искорененію Многогрѣшнаго не принимаетъ, а притомъ и Запорожье уже отстало отъ него, совѣтовалъ своимъ полчанамъ смиряться.—Но тутъ возстали старые вожаки, напомнили, что и Многогрѣшный согласился принять въ нѣкоторые города воеводу и Кублицкій былъ съ полковничества скинутъ и замѣненъ уже извѣстнымъ намъ Горкушею. Полтавцы надѣялись, что Горкуша, какъ старый товарищъ Дорошенка, не покорится случайному гетману. Сохранилось замѣчательное письмо Горкуши, которое онъ написалъ Многогрѣшному вслѣдъ за выборомъ своимъ въ полковники.—„Изъ царской грамоты уразумѣли мы, что не желаетъ и не позволяетъ царское пресвѣтлое величество никакому православному народу чинить непокой и кровопролитіе; а ты невѣдомо отъ кого,—отъ царя ли православнаго или отъ врага душевнаго, принялъ на себя высокій урядъ гетманства запорожскаго вмѣсто даннаго тебѣ и.

¹⁾ Г. ж., 161.

²⁾ Г. ж., 238.

³⁾ Г. ж., 247.

гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ сѣверскаго гетманства¹⁾ и уподобился сатанѣ, потому что тотъ урядъ гетманства запорожскаго взять тобою помимо воли и войска и ясновельможнаго п. гетмана нашего; а заслуги твои войску запорожскому, какъ намъ извѣстно, мало знатны. При этомъ ты еще и страшилъ насъ всякими силами войскъ царскихъ; но мы, имѣя защиту Божью и охрану нашего п. гетмана съ его сильными полками, запорожскими, крымскими, бѣлогородскими и турецкими, нимало твоихъ угрозъ не боимся и, какъ на врага, изготовили на тебя въ Полтавѣ десять тысячъ сабель! Не ждемъ отъ тебя правды и ты не надѣйся, чтобъ мы тебѣ поклонились. А если хочешь, — ищи себѣ милости у п. гетмана Петра Дорошенка; а къ намъ и не пиши, и не шли никакихъ своихъ угрозъ, потому что Богъ намъ помощникъ и — не убоимся! Сего ради изволь писать къ п. гетману нашему, а къ намъ — вотще труждаешься: никогда того не будетъ, чтобъ ты былъ гетманомъ запорожскимъ и нашимъ! Сей нашъ отвѣтъ отъ всего посольства, товариства и мѣщанъ пославъ, добраго отъ Господа Бога здоровья, мирнаго покая и милосердія Божія, яко сами себѣ, мирно желаемъ²⁾.

Такой открытый протестъ полковника противъ гетмана, утвержденнаго уже царемъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчательнень для характеристики Полтавщины; видно, что послѣдняя, не боясь, выставяла свою оппозицію, конечно, рассчитывая на поддержку Запорожья.... Однакожь, видя, что Дорошенко продолжаетъ сидѣть за Днѣпромъ и только одними универсалами грозить Многогрѣшному, смирились и полтавцы.... Горкуша, какъ сторонникъ Дорошенка, былъ скинутъ и замѣненъ снова старымъ вождемъ — Жученкомъ, который, благодаря житейской своей опытности, наконецъ покорилъ Полтавщину Многогрѣшному. Но когда послѣдній былъ низложенъ въ 1672 г., то тогда

1) Убивъ Брѣховецкаго, Дорошенко мечталъ немедленно замѣнить его и пошелъ къ Путивлю на соединеніе съ русскими войсками; но на дорогѣ получилъ извѣстіе о невѣрности своей жены и послѣдшилъ домой, за Днѣпръ; на время своего отсутствія, онъ оставилъ наказнымъ гетманомъ Многогрѣшнаго, который воспользовался этимъ случаемъ и добылъ себѣ полное гетманство....

2), Т. ж. 259.

же изложенъ былъ и Жученко.... Въмѣсто Жученка былъ поставленъ опять Гуджоль, который присутствовалъ уже и на радѣ, выбравшей Самойловича ¹⁾. Но старые полковники уже не удовлетворяли полтавцевъ, потому что противъ Гуджола скоро поведена была интрига уже новымъ лицомъ. Интригу противъ Гуджола повелъ новый претендентъ на полковничій урядъ—Прокопъ Левенецъ, который и добился того, что въ 1674 г. его выбрали полковникомъ. Интересно, что послѣ этого Гуджоль года три (1685—77 г.г.) занималъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ урядовъ, именно—полтавскаго городского атамана, который подчиненъ былъ непосредственно сотнику; затѣмъ въ 1678 г. видимъ Гуджола полковымъ судьей, а потомъ встрѣчаемъ его уже безъ всякаго уряда, рядовымъ козакомъ; такъ въ актѣ 1680 г. онъ пишется—„славетный панъ Демьянъ Гуджоль, козакъ полтавскій“. Видно, что демократическій строй козачества въ Полтавщинѣ сохранялся гораздо дольше, чѣмъ въ полкахъ сѣверныхъ, гдѣ въ это время уже невозможенъ былъ фактъ, чтобы бывший полковникъ ставился на низшій, судейскій урядъ, не говоря уже объ атаманствѣ. Добившись пернача, Левенецъ однакожъ не сумѣлъ его удержать, встрѣтивъ ловкую интригу Герцика, давно уже мечтавшаго о полтавскомъ полковничествѣ. Сынъ выкременнаго еврея, Герцикъ выдвинулся изъ темной массы послѣ того, когда въ 1667 г. генеральный судья Петръ Забѣла случайно женился на вдовѣ—матери Герцика. Въ это время, по разсказу Кочубея, Павель Герцикъ торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками ²⁾... А черезъ восемь лѣтъ онъ уже явился соперникомъ Левенца и былъ выбранъ вмѣсто послѣдняго—полковникомъ. Кочубей разсказываетъ, что Герцикъ „подольстившись и подморилившись козакамъ полтавскимъ, не съ заслуги какой военной, но по лукавому обману, выбранъ полковникомъ; и побувши на томъ урядѣ нѣкоторое время, былъ скинутъ“ ³⁾. А подоль-

¹⁾ Величко, II, 311.

²⁾ Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 145.

³⁾ Т. ж., 147.

стился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ, купивъ у одного козака хуторъ у Чорнаго озера, насыпалъ тамъ греблю. чтобы строить тутъ же водяную мельницу; но когда Левенцова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на полковника гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде „скинуть“ Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: „абы больше не важился Прокошъ Левенецъ, бывшій полковникъ, перешкоды строити (причинять убытки) товариству и мѣщанамъ Полтавскимъ новозанятою греблю его на Чорномъ озерѣ“ и гребля его полчанами была уничтожена¹⁾. Но Герцикъ все таки долго не могъ продержаться на полковничествѣ: старые вожаки Полтавщины не могли спокойно видѣть своимъ полковникомъ челоуѣка, которъй самъ стыдился своего еврейскаго прозвища²⁾. Осенью 1676 г. Жученко и успѣлъ было замѣнить Герцика, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній снова захватилъ Полковничій перначъ. Но этотъ разъ Герцикъ продержался впрочемъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и въ февралѣ 1677 г. на полтавскомъ полковничествѣ является Демко Яковенко, личность совершенно новая, на которой полтавцы, можетъ быть, хотѣли помирить свои страсти; но и Яковенко продержался всего мѣсяцъ: выбранный въ февралѣ, онъ въ мартѣ долженъ былъ уступить мѣсто опять Левенцу, который въ это время понадобился, какъ искусный военачальникъ, для чигиринскаго похода. Левенецъ дѣйствительно отличился въ этихъ походахъ, особенно во второмъ. Величко записалъ въ своей лѣтописи интересный эпизодъ изъ чигиринской войны—какъ козаки „сами, безъ воли гетманской, внезапно и мужественно бросились на турецкіе обозы и, знатную въ нихъ сдѣлавши шкоду, счастливо вернулись къ своему обозу“, причемъ „добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Федоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный вы-

¹⁾ Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись.

²⁾ Герцикъ видѣ въ актахъ не писался своимъ отцовскимъ прозвищемъ, всегда только—„Павломъ Семеновичемъ“.

стрѣломъ изъ янычарки, съ коня свалился, но спасенъ былъ панцыремъ“¹⁾. За чигиринскіе походы Левенець получилъ отъ царя двѣ похвальныя грамоты, одну въ декабрѣ 1677 г., а другую—въ ноябрѣ слѣдующаго.

Не успѣлъ Левенець вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведена была интрига тѣмъ же Герцикомъ, къ которому на этотъ разъ присталъ и Жученко, вѣроятно изъ зависти... На этотъ разъ впрочемъ полтавцы уже не рѣшились смѣнять полковника собственною властью, а пожаловались на Левенца гетману, что онъ „похвалки чинить на здоровье знатнѣйшихъ особъ и безчестить ихъ“. Гетманъ попробовалъ было защитить храбраго полковника, напомнилъ полтавцамъ о его недавнихъ заслугахъ, которыя онъ показалъ „въ очахъ“ гетманскихъ, но въ іюнѣ 1679 г. Левенець долженъ былъ уступить Жученку и на этотъ разъ уже навсегда; послѣ этого Левенець служилъ разъ, полковымъ обознымъ, во время коломацкаго похода, когда потребовалась, вѣроятно, опять его военная опытность, но полковничества уже не достигалъ. Пробывъ полковникомъ около года, Жученко встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ Черняка. Леонтій Чернякъ принадлежалъ также къ числу старинныхъ полтавскихъ козаковъ и съ 1673 г. занималъ урядъ генеральнаго есаульства; но этотъ урядъ былъ не важенъ, такъ какъ онъ не давалъ въ руки никакой самостоятельной власти; поэтому Чернякъ, на ряду съ Жученкомъ, Левенцомъ, Герцикомъ, былъ также постояннымъ претендентомъ на полтавское полковничество; но добился онъ его позднѣе другихъ: въ первый разъ Черняка выбрали лѣтомъ 1680 г. и онъ пробылъ полковникомъ около трехъ лѣтъ, пока снова былъ замѣненъ Герцикомъ, кажется, въ 1683 г. На этотъ разъ Гердикъ добился полковничества уже не интригою среди полчанъ, а подарками, поднесенными гетману и его сыновьямъ, при посредствѣ гадяцкаго полковника, Михайла Самойловича, гетманскаго племянника; такъ рассказываетъ Кочубей, добавляя, что Гердикъ, получивъ полковничій урядъ на этотъ разъ изъ рукъ гетмана, „всякими

¹⁾ Вол. II, 464.

обидами описывалъ “ послѣднему и Жученка, и зятя его Искру, желая очернить ихъ въ Батуринѣ и тѣмъ преградить на будущее время доступъ къ полковничеству¹⁾. Однакожь, когда Самойловичъ былъ отставленъ отъ гетманства, то преемникъ его, замѣняя на Коломакѣ тогдашнихъ полковниковъ новыми, вмѣсто Гердика поставилъ полковникомъ того же Жученка, который „съ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны, во всякихъ оказіяхъ военныхъ значныя оказывалъ праці“, какъ говорить о немъ актъ 1682 г. На этотъ разъ Жученко оставался полковникомъ до 1691 г., съ небольшимъ перерывомъ, въ 1689 г. когда онъ былъ замѣненъ Чернякомъ, котораго поставили, вѣроятно, сами полтавцы, помимо гетмана... Но Чернякъ былъ удаленъ и перначъ снова возвращенъ Жученку, къ которому Мазепа не могъ не благоволить, какъ къ тестю тогдашняго своего генеральнаго писаря и близкаго человѣка—Кочубея. Жученко пересталъ быть полковникомъ, вѣроятно, вслѣдствіе старости; но жилъ онъ и послѣ отставки еще долго, переживъ обоихъ своихъ зтей, Кочубея и Искру²⁾... Жученка замѣнилъ Гердикъ, который, по разсказу Кочубея, и теперь „прелестно zostалъ полковникомъ“, т. е. едва ли не купилъ этотъ урядъ у Мазепы... На этотъ разъ Гердикъ пробылъ полковникомъ до 1695 или 96 г. и замѣненъ былъ своякомъ Кочубея—Искрою. Оставлено было Герцикомъ полковничество, вѣроятно, по старости, такъ какъ трудно предположить, чтобы Мазепѣ простодушный Искра былъ желательнѣе „цѣкаваго“ Гердика³⁾...

¹⁾ Чтенія въ Моск. общ. исг., 1859 г., I, 148.

²⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., I, 409.

³⁾ Оставивъ войсковую службу, Герцикъ сталъ замаивать грѣхи и въ 1700 г. построилъ въ кievской лаврѣ, у входа въ ближнія пещеры, каменную церковь Воздвиженія Чести. Креста. Въ этой церкви онъ былъ и похороненъ, причѣмъ на стѣнѣ, около могилы, повѣшенъ былъ его портретъ. (Опис. к. лавры, митр. Евгенія, изд. 2-е, стр. 348). Затѣмъ портретъ этотъ былъ уничтоженъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказывалъ намъ въ 1883 г. одинъ почтенный лаврскій инокъ: при устройствѣ въ Воздвиженской церкви могилы для умершаго въ 1857 г. митрополита Филарета (Амфитеатрова), открыта была случайно и могила Гердика; въ ней еще были замѣтны слѣды кедроваго гроба, а на остаткахъ скелета видны были черные усы... Тогда же, т. е. въ 1857 г., тутъ же около открытой могилы, еще висѣлъ и

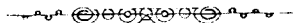
Искрою закончился рядъ полтавскихъ полковниковъ въ XVII в.

Изъ разсказаннаго мы видимъ, что полтавцы самостоятельно выбирали себѣ полковниковъ, пока Самойловичъ не забралъ раздачу важнѣйшихъ старшинскихъ урядовъ въ свои руки. При Мазепѣ свободный выборъ полковниковъ прекратился совѣмъ, такъ какъ этотъ гетманъ умѣлъ стать самовластителемъ.

Какіе же результаты получались полтавцами при сохраненіи права свободного выбора себѣ полковниковъ почти до конца XVII в.? На этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: 1) при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего пятью-шестью лицами изъ мѣстныхъ богачей и 2) послѣдніе, интригуя изъ за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ—выборщиковъ въ послушное свое орудіе...

Исторія частой мѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ Старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни“, не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти уничтожиться...

Ал. Лазаревскій.

портретъ Герцика; но послѣ погребенія митрополита, какой то монахъ нашелъ неудобнымъ находеніе Герциковаго портрета около новой могилы и будто бы тогда же портретъ этотъ брошенъ въ печу... (Ср. Кіево-Печерская лавра въ ея прош. и наст. состоян., стр. 64)‡